

інститутами, і більшою мірою — у приватному праві з його диспозитивністю, рівністю сторін і стійкою схожістю інститутів [7].

Порівняльне правознавство тісно пов'язане і з галузевими юридичними науками. Якщо останні значно розширюють проблематику порівняльного правознавства, то воно, у свою чергу, постачає матеріал галузевим юридичним наукам для теоретичних узагальнень на більш високому рівні. Про це свідчить існування таких наукових напрямів, як порівняльне конституційне право, порівняльне цивільне право, порівняльне трудове право та ін., які є результатом взаємозбагачення, взаємовпливу порівняльного правознавства і галузевих юридичних наук. Більша частина всіх досліджень проблематики порівняльного правознавства, стосуються і основ галузевих наук.

Говорячи про зв'язок порівняльного правознавства з іншими юридичними науками, потрібно виходити з того, що взаємодія між ними має двосторонній характер, має, так би мовити, прямий і зворотний зв'язок.

Таким чином, порівняльне правознавство як юридична наука займає самостійне місце в системі юридичних наук, активно взаємодіючи з ними.

Література

1. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции / В.С. Нерсесянц // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 14.
2. Скакун О.Ф. Место общего сравнительного правоведения в системе юридических наук и его официальный статус / О.Ф. Скакун // Порівняльне правознавство: сучасний стан і перспективи розвитку : зб. наук. ст. / за ред. Ю.С. Шемшученка, О.В. Кресіна. – К. : Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького; НАН України; Таврійський національний ун-т ім. В.І. Вернадського; КУП НАН України. – 2006.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М., 1998. – С. 10.
4. Чиркин В.Е. Государствоведение : учеб. / В.Е. Чиркин. – М., 1999. – С. 12.
5. Всероссийская научная конференция. Сравнительное правоведение в России: пути развития : // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 121.
6. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М., 1998. – Т. 1 : Основы. – С. 15.
7. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное / Ю.А. Тихомиров // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 9.

УДК 341.3

К. Доди

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ БЕСПОРЯДКОВ ВНУТРИ СТРАНЫ И СИТУАЦИЙ ВНУТРЕННЕЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Насилие присуще любому человеческому обществу. Формы, которые принимает насилие, как во взаимоотношениях между отдельными личностями, так и целыми группами людей, очень разнообразны: от преступности, которую государство старается контролировать посредством деятельности полиции, до полномасштабных конфликтов между организованными вооруженными группировками.

Многочисленны и разнообразны и исполнители, когда речь идет о насилии. Так, если в одной стране могут происходить ставшие уже привычными столкновения между мятежниками и силами правопорядка, другие станы охватывает борьба между различными группировками, военизированными и полувоенизированными формированиями, а государство обладает лишь видимостью власти.

Но существует единственная, общая для всех ситуаций, характерная черта: насилие всегда порождает страдание [1, с. 6].

Многие государства в ходе своей истории столкнулись с ситуациями внутренней напряженности и борьбы, которые были иногда насколько серьезными, что угрожали фундаментальным интересам государств. Эти ситуации, характеризующиеся актами восстаний и насилия, совершенными более или менее организованными группами, воюющими или с властями, или между собой, отличаются от немеждународных вооруженных конфликтов, в которых насилие является более интенсивным. Для того, чтобы завершить такие внутренние конфронтации и восстановить порядок, власти часто прибегают к массивной помощи полиции или даже вооруженных сил. Неизбежным результатом этого является ослабление принципа верховенства права, отмеченное серьезными, широкомасштабными нарушениями прав человека, причиняющие повсеместные страдания среди населения [2, с. 455].

Первоначально, в 1864 году, международное гуманитарное право охватывало своей защитой только лиц, пострадавших в войнах между государствами. До Первой мировой войны МККК практически не проводил различия между гражданской войной и внутренними беспорядками. Первый раз МККК принял действия по оказанию помощи значительному числу гражданских лиц, пострадавших в ходе таких беспорядков, когда он отправил припасы в Черногорию, чтобы помочь беженцам, которые покинули Герцеговину в 1875 году [3, с. 14].

В своей XIV Резолюции 10-я Международная конференция Красного Креста (Женева, 1921) заявила, что Красный Крест, который стоит в стороне от всех политических и социальных разграничений и от различий по признакам убеждений, расы, класса или нации, подтверждает свое право и обязанность предоставления помощи в случае гражданской войны, а также социальных и революционных волнений.

Красный Крест признает, что все жертвы гражданской войны или подобных беспорядков, имеют право, без всякого исключения, на помощь в соответствии с главными принципами Красного Креста.

В этом же направлении работали и последующие международные комиссии экспертов: Комиссия экспертов по вопросу помощи политическим заключенным (1953); Комиссия экспертов по вопросу о применении гуманитарных принципов в случае внутренних беспорядков (1955).

Главным вопросом, который МККК поставил перед экспертами, был вопрос о том, возможно ли “уточнить понятие “вооруженный конфликт” таким образом, чтобы возможно было определить момент, когда статья 3... становится применимой с правовой точки зрения в случае внутренних беспорядков” и, как следст-

вие, возможна ли в этих ситуациях деятельность МККК в том виде, в каком она предусматривается статьей 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. (далее – статья 3).

Комиссия сочла, что ситуации внутренних беспорядков с трудом вписывались в рамки защиты, предусмотренной статьей 3. Однако, ввиду того, что подобные ситуации становятся все более частыми, необходимо, чтобы у МККК была возможность действовать в них, будучи уверенным, что его гуманитарные акции не будут расценены как “вмешательство в сферу поддержания внутреннего порядка” [4, с. 112].

Для осуществления гуманитарной деятельности МККК необходимо было искать правовую базу, которая содержится в международно-правовых документах, но не в статье 3.

По мнению Комиссии, эта база содержится в нескольких источниках: XIV Резолюции X Международной Конференции Красного Креста (1921 г.); Преамбуле Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., которая ссылается на “принципы международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания”; Всеобщей декларации прав человека (1948 г.); Уставах Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, Международного Комитета Красного Креста.

Статья VII Устава Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца (1928 г.) предусматривала: “МККК будет продолжать являться нейтральным посредником, чье вмешательство признано как необходимое, особенно во время войны, гражданской войны или гражданской борьбы”.

Статья VI пересмотренного Устава Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца (1952 г.) гласит: “...5. В качестве нейтрального учреждения, чья гуманитарная деятельность в основном осуществляется во время международных и любых других вооруженных конфликтов, а также во время внутренних беспорядков и волнений, МККК старается всегда обеспечить защиту и помощь жертвам таких событий и их прямых последствий, как среди военнослужащих, так и среди гражданского населения”.

Почти та же формулировка осталась и в новом Уставе Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца 1986 г. Статья 5 этого документа оговаривает, что “ролью МККК ... в частности, является:

2. (d) прилагать усилия во все времена – как нейтральное учреждение, чья гуманитарная деятельность осуществляется особенно во время международных и других вооруженных конфликтов или внутренней борьбы – для обеспечения защиты и помощи военным и гражданским жертвам таких событий и их прямых результатов” [3, с. 16-17].

Хотя Комиссия и не дала более точного определения условий применения статьи 3, которое позволяло бы распространить ее на внутренние беспорядки, но она без колебаний подтвердила необходимость деятельности МККК при любых обстоятельствах для обеспечения соблюдения основополагающих гуманитарных принципов [4, с. 114].

– Комиссия экспертов по вопросу о помощи жертвам внутренних конфликтов (1962 г.) не сочла необходимым выработать определение “внутренних беспорядков”, но высказала мнение, что совершение действий, запрещенных статьей 3, делает оправданным действия МККК, призванные положить им конец, в любое время и в любом месте. Минимальные нормы, сформулированные в статье 3, “должны соблюдаться в любом случае обеими сторонами” [4, с. 116].

Характеристика внутренних беспорядков была дана на первой сессии Конференции правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, которое состоялось в Женеве в 1971 г.

Эти конференции правительственных экспертов дали следующее описание внутренних беспорядков [5, с. 14]: “К ним относятся ситуации, которые не являются немеждународными вооруженными конфликтами как таковыми, но в которых существует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью серьезности или продолжительности и актами насилия. Эти последние могут принимать различные формы, от спонтанного зарождения акций протеста до борьбы между более или менее организованными группами и властями. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, власти прибегают к использованию многочисленных сил полиции или даже вооруженных сил, чтобы восстановить порядок внутри страны. Большое количество жертв обусловило необходимость применить минимум гуманитарных норм”.

Что касается внутренней напряженности, то этот термин обычно имеет отношение к:

а) ситуациям серьезной напряженности (политической, религиозной, расовой, социальной, экономической и т.д.) или

б) последствиям вооруженного конфликта или внутренних беспорядков [3, с. 12-13].

В ходе данного Совещания МККК предложил вынести на рассмотрение экспертов вопрос о принятии “Декларации основных прав личности в период внутренних беспорядков или общественной опасности”, которая бы закрепила основополагающие принципы защиты личности, которые должны будут соблюдаться в любое время и при любых обстоятельствах. В ней воспроизводились в общем виде основополагающие принципы защиты, сформулированные в статье 3, и добавлены несколько положений, касающихся обращения с лицами, лишенными свободы, как они определены в “Минимальных правилах” установленных ООН.

Проект Декларации содержал запрещение коллективных наказаний и репрессалий, а также предусматривал посещения заключенных представителями гуманитарных организаций. В нем учитывались также положения Международного пакта о гражданских и политических правах [4, с. 149-150].

Некоторые эксперты считали, что вопрос, касающийся внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, выходит за рамки Совещания, поскольку

он не относится к вооруженным конфликтам. Разработка вышеуказанной декларации тоже подверглась критике, и в конечном итоге, все предложения МККК были отвергнуты.

В 1990 г. на встрече группы экспертов, организованной Институтом прав человека университета “Або Академи” в Турку/Або (Финляндия) была принята “Декларация о минимальных гуманитарных стандартах”.

Преамбула данной Декларации прямо указывает, что нормы международного права, касающиеся прав человека, и гуманитарные нормы, применяемые во время вооруженных конфликтов, не обеспечивают достаточной защиты людям в обстановке насилия внутри страны, во время беспорядков, напряженности и чрезвычайного положения в государстве. Провозглашенные минимальные гуманитарные стандарты должны уважаться всеми лицами, группами лиц и органами власти независимо от их юридического статуса и без каких-либо различий неблагоприятного характера.

Декларация провозглашает следующие гуманитарные принципы: право на уважение их личности, чести, убеждений и религиозных обрядов, на свободу мысли и совести; право на эффективные средства защиты и право на разбирательство их дел в суде; каждый человек обладает неотъемлемым правом на жизнь.

Так же запрещаются посягательство на жизнь, здоровье и физическое или психическое состояние людей, в частности убийства, пытки, увечья, изнасилования, а также жестокое, бесчеловечное или унижительное обращение или наказание и другие посягательства на достоинство человека; коллективные наказания; взятие заложников; грабеж и др.

Эти минимальные стандарты являются прорывом в регулировании данной области, но, к сожалению, такие важные акты, как общая статья 3 к Женевским конвенциям и II Дополнительный протокол 1977 г. не содержат ни определения внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, ни даже каких-то характеризующих черт.

Комментарий к Дополнительному протоколу II иллюстрирует внутренние беспорядки и обстановку внутренней напряженности на примерах подобных ситуаций: “Это такие нарушения общественного порядка, как демонстрации без заранее согласованного плана; отдельные и спорадические акты насилия, в отличие от военных действий, ведущихся вооруженными силами или вооруженными группами; другие действия подобного рода, включая, в частности, массовые аресты людей за их деятельность или взгляды” [6, с. 67].

Суммируя вышесказанное, можем сделать вывод, что внутренние беспорядки существуют, когда в отсутствие вооруженного конфликта, государства используют вооруженные силы для поддержания порядка; внутренняя напряженность существует, когда при отсутствии внутренних беспорядков, сила применяется как превентивная мера для поддержки уважения закона и порядка [7, 247]; эти ситуации предусмотрены главным образом в национальном законодательстве государств [8, с. 385].

Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций 1949 г., как и Протокол II 1977 г. прямо предусматривают, что их нормы не применяются к беспорядкам

внутри страны и ситуациям внутренней напряженности. Какие же нормы права должны использоваться для урегулирования данных ситуаций?

В комментарии ко II Дополнительному протоколу указывается, что “эти случаи подпадают под действие международных и региональных документов по правам человека” [6, с. 69]. Среди них можно выделить следующие международные и региональные документы: Всеобщую декларация прав человека, Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него, Американскую конвенцию о правах человека, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и т.д.

Большинство инструментов по правам человека перечисляют нормы, от которых запрещено отступать при любых обстоятельствах, даже в период кризиса [2, с. 457]. Международный Суд ООН несколько раз напоминал международному сообществу о значимости этих норм, которые он характеризовал в качестве “элементарных соображений гуманности” [9, ч. 22] и “норм, касающихся основных прав человека и которые являются неотъемлемой частью общего международного права” [10, с. 72].

Основные правила, применимые во время внутренней напряженности, не распространяются на все случаи серьезных нарушений гуманитарных принципов, которые часто происходят в такого рода ситуациях. К ним относятся массовые аресты и приостановление судебных гарантий. Власти, которые столкнулись с внутренней напряженностью и борьбой, обычно используют соображения безопасности в качестве основания для задержания отдельных лиц из политических кругов, рабочего движения и средств массовой информации. Сроки административного задержания незаконно продлеваются, а с задержанными плохо обращаются. Как правило, они содержатся в изоляции, без возможности общения с близкими им людьми. Такая практика стала распространенной в некоторых регионах мира среди правительств, оппозиционного движения и военизированных формирований.

Для урегулирования вопросов, связанных с произвольными задержаниями и внесудебным содержанием под стражей, а также для улучшения защиты задержанных были составлены “Стандартные минимальные правила поведения с заключенными”, принятые 30 августа 1955 года Первым конгрессом ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями. Эти правила применяются без всяких различий по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, социального происхождения или политических убеждений задержанного [2, с. 458-460].

Запрещение геноцида здесь также должно приниматься во внимание. Действия, запрещенные в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., могут предположительно произойти, даже если ситуация не подпадает под действие II Дополнительного протокола 1977 г. Беспорядки и мятежи могут быть реакцией на такую политику геноцида, а действия,

осуществляемые с целью прекращения мятежей, могут составлять нарушения ст. III Конвенции о запрещении геноцида 1948 г.

Следует обратить внимание и на ситуации, в которых правительство ничего не делает для предотвращения – и даже поощряет – осуществление насилия одними гражданскими группировками против других гражданских группировок. Это один из видов позволяемого государствами терроризма, который встречается в некоторых странах сегодня, и который был широко распространен на ранних этапах эволюции фашизма в Европе [11, с. 246].

Идея сгруппировать вместе основные права человека, как они изложены международным правом прав человека и международным гуманитарным правом, в едином своде правил, имеющем форму декларации, имела намерением улучшить защиту людей, пострадавших от внутреннего насилия, и была благожелательно воспринята государствами – членами ОБСЕ.

В Московской декларации 1991 г. они отказались от своего права отступать от гарантий прав человека, закрепленных в нормативных актах, участниками которых они являются [12]. Кроме того, на Будапештском саммите 1994 г. они подчеркнули значимость декларации, излагающей минимальные стандарты, применимые во всех ситуациях. Такая декларация, которую упомянутые государства предложили принять в рамках ООН, объединила бы в себе соответствующие нормы международного права прав человека и международного гуманитарного права [13, с. 2].

Трудности, связанные с применением права прав человека во время внутренних беспорядков и напряженности, происходят из того факта, что эта совокупность норм права не предусматривает системы защиты, сравнимой с той, которая создана в международном гуманитарном праве.

Во-первых, защита, предусмотренная правом прав человека, может быть предметом частичной отмены. Даже будучи мотивированной серьезной необходимостью и пропорциональностью, возможность ограничения некоторых прав человека в чрезвычайных ситуациях неизбежно ослабляет защиту лиц.

Во-вторых, международное право прав человека является обязательным для государств и их представителей, которые обладают монополией на применение силы. Тем не менее, негосударственные структуры во время внутренних беспорядков могут также прибегать к насильственным действиям, которые обычно направлены против властей, но могут также быть направлены против людей и имущества, которое не имеет никакого отношения к властям.

В-третьих, нормы права прав человека не уделяют особого внимания особенностям отдельной ситуации, например, ситуации, предполагающей беспорядки или напряженность.

Применение силы и огнестрельного оружия представляет возможно одну из наибольших угроз физическим лицам во время внутренних беспорядков и напряженности. Существуют стандарты, которые регулируют применение огнестрельного оружия в правоохранительной деятельности. Международные директивы включают “Основополагающие принципы по применению силы и огнестрельного оружия должностными лицами правоохранительных органов”, принятые ООН в 1990 г. и Кодекс поведения для таких должностных лиц,

принятый в 1979 г. В частности, эти директивы ограничивают применение огнестрельного оружия исключительными обстоятельствами, в которых такое применение является строго необходимым и неизбежным для достижения законной цели. К сожалению, огнестрельное оружие применяется произвольно во время внутренних беспорядков и напряженности, что неизбежно имеет результатом трагические последствия и обостряет насилие [14].

В заключение можно отметить мнение М. Беджауи о том, что “специалисты говорят о внутренних беспорядках, когда в условиях отсутствия вооруженного конфликта государство применяет силу в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, и о внутренней напряженности, когда в условиях отсутствия внутренних беспорядков оно прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения мира и законности”. В этом же контексте А. Эйде предлагает понимать под “внутренними беспорядками и напряженностью... все конфликтные ситуации внутри той или иной страны, достаточно серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свободы, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет” [15, с. 98].

Суммируя все вышесказанное, можно отметить, что даже вне рамок вооруженного конфликта индивидуумы пользуются всей совокупностью норм общего права, в том числе и всеми нормами, относящимися к защите прав личности. Однако в серьезных кризисных ситуациях, в частности в ситуациях внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, правительство соответствующего государства может приостановить действие большинства прав для устранения опасности, которая угрожает существованию нации. Несмотря на это, государствам запрещается приостанавливать действие “неизменного ядра” прав человека, состоящего из норм, не допускающих отклонений.

Литература

1. Харрофф-Тавель М. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны. – МККК, 1995.
2. Momtaz D. The minimum humanitarian rules applicable in periods of internal tensions and strife. // *International Review of the Red Cross*. – September 1998, № 324.
3. ICRC protection and assistance activities in situations not covered by international humanitarian law. // *Extract from the International Review of the Red Cross*. – January/February 1988, № 262.
4. Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. – М., 2000.
5. Burgos H. S. The application of international humanitarian law as compared to human rights law in situations qualified as internal armed conflict, internal disturbances and tensions, or public emergency, with special reference to war crimes and political crimes. // *Implementation of International Humanitarian Law*. – Dordrecht, Boston, London, 1989.
6. Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). – М., 1998.
7. Kiwanuka R. N. Humanitarian norms and internal strife: problems and prospects. // *Implementation of International Humanitarian Law*.
8. *The manual of the law of armed conflict*. UK Ministry of Defense. – Oxford, 2005.
9. *The Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania)*, ICJ Reports, 1949.
10. *Case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*, ICJ Reports, 1970.

11. Asbjorn Eide. Internal disturbances and tensions. // International dimensions of humanitarian law. – Dordrecht, Boston, London., 1988.
12. Conference on Security and Cooperation in Europe, Moscow Declaration of 3 October, 1991. // International Legal Materials. – 1991, vol. 30.
13. Report of the Sub-Commission on prevention of discrimination and protection of minorities, UN doc. E/CN.4/1997/77/Add.1, 28 of January 1997.
14. Protection of persons in situation of internal disturbances and tensions, ICRC Official Statement // Special meeting of the Committee on Juridical and Political Affairs of the Organization of American States on current issues in international humanitarian law, Washington D.C., 2 February 2006.
15. А.Г.Ф. де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов. / А.Г.Ф. де Кастро // Московский журнал международного права. – Январь-март 2000 г. – № 1.

УДК 347.772

Л.Д. Романадзе

ПОРУШЕННЯ ПРАВ НА ТОРГОВЕЛЬНІ МАРКИ ЯК РІЗНОВИД НЕДОБРОСОВІСНОЇ КОНКУРЕНЦІЇ

Конкуруючи на ринку, суб'єкти господарювання використовують самі різні способи з метою розширення обсягів продажу своєї продукції. На жаль, до вказаних способів відноситься і імітація вже відомих на ринку товарів, їх упаковки, в тому числі, і нанесених на товар (упаковку) торговельних марок. Як свідчить практика, недобросовісні конкуренти застосовують як достатньо відверті, так і завуальовані способи застосування торговельних марок конкурентів, вбачаючи у цьому комерційну вигоду і розраховуючи у таких випадках більше виграти, ніж втратити.

Найбільш уразливими та, одночасно, найбільш привабливими для недобросовісних конкурентів є торговельні марки, які внаслідок тривалого використання набули добру репутацію на ринку. Власникам таких торговельних марок слід уважно слідкувати за ринком, враховуючи негативні економічні та юридичні наслідки можливого застосування недобросовісними конкурентами таких самих або схожих до ступеню змішування торговельних марок. У економічному значенні це може призвести, з однієї сторони, до втрати прибутків від скорочення реалізації товарів внаслідок такої “конкуренції”, а з іншої, до знищення репутації та, відповідно, знецінення самої торговельної марки, яка буде використовуватись конкурентами на товарах, наприклад, значно нижчої якості. Що стосується юридичних наслідків, то у деяких зарубіжних державах допущення широкого використання торговельної марки третіми особами може призвести до втрати власником своїх прав, перетворення марки у “суспільне надбання”, тощо [1].

В цьому зв'язку, наряду з цивільно-правовим та кримінально-правовим способами захисту прав на торговельні марки, досить поширеним є, так званий, конкурентний спосіб захисту, що передбачений законодавством про захист від недобросовісної конкуренції. При цьому, недобросовісною конкуренцією